УДК 94 (47)

Бурда Эдуард Владимирович

**кандидат исторических наук,
преподаватель Колледжа информационных технологий и экономики –
филиала Кабардино-Балкарского государственного университета
dom-hors@mail.ru**

ОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДА МОЗДОКА И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ВОЛЖСКИХ И ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Аннотация:
Статья посвящена одной из актуальнейших тем – казачьей колонизации Северного Кавказа и строительству города Моздока. Раскрыты предпосылки появления города и переселения на территорию Центрального Кавказа казаков с Волги и Дона. Особое внимание уделяется причинам, побудившим российское военное командование усилить свое присутствие в регионе путем привлечения на свою сторону части коренного населении.

Ключевые слова:
комендант, крепость, Малая Кабарда, Моздок, уздени, военная линия, казачья колонизация, переселенцы, кордонная служба.

Burda Eduard Vladimirovich

**PhD in History,
Teacher at the College of Information Technologies and Economics,
branch of the Kabardino-Balkarian State University
dom-hors@mail.ru**

FOUNDATION OF MOZDOK TOWN AND RESETTLEMENT OF VOLGA AND DON COSSACKS

Summary:
The article deals with an urgent issue of Cossacks colonization in the Northern Caucasus and building of Mozdok town. The author discusses preconditions of the town building and resettlement of the Cossacks from Volga and Don regions to the territories of the Central Caucasus. Special attention is paid to the reasons impelled Russian military headquarters to reinforce their influence in the region by winning indigenous population to their side.

eywords:
commandant, fortress, Lesser Kabarda, Mozdok, özden, military line, Cossack colonization, immigrants, cordon service.

Казачье население Северного Кавказа складывалось на протяжении длительного времени в различных социально-экономических условиях. Отдельные группы казаков на Северо-Восточном Кавказе, известные в письменных источниках с XVI в., формировались преимущественно из рязанских, волжских и донских казаков, давших начало Гребенскому казачеству. Причины и обстоятельства появления казачества на Северном Кавказе различны. Различен также характер такого рода переселений, разделяющихся на две группы: 1) стихийные миграции, при которых переселялись преимущественно небольшими по численности группами семьи или одиночки; 2) движения, направлявшиеся и осуществлявшиеся государством.

Для Восточного Кавказа такого рода миграции в значительных масштабах происходили уже с первой четверти XVIII в., а для Центрального Кавказа со второй половины того же века.

До второй половины XVIII в. положение России на Северном Кавказе было далеко не прочным. Историк Терского казачества В.А. Потто писал: «В последние двадцать лет после кончины Анны Ивановны все действия русских на Кавказе ограничились исключительно защитой Терской линии. И в Петербурге мало интересовались тем, что происходит на этой отдаленной границе, оберегаемой Гребенскими, Кизлярскими и Терско-Семейными казаками» [1, т. 2, с. 83].

После воцарения Екатерины II заметно усилилась тенденция некоторых горских народов к установлению более тесных связей с Россией и переселению их на равнину. Так, сообщая о причинах, побуждавших осетин обращаться к российскому правительству с просьбой о переселении их на равнину, Тагаурские старшины писали, что они живут «внутри гор тесно и неисправно». Поэтому они просили отвести им место «близ тех же

гор», где они живут, между двумя реками, «едучи из Кизляра Татартупа в Осетию в левой стороне» [2, с. 93]. Имели стремление переселиться на российские пограничные равнины и некоторые жители Малой Кабарды, Дигории и Ингушетии.

Российское правительство, безусловно, понимало необходимость поддержания кабардинцев, ингушей и осетин в их желании поселиться на равнине. В то же время международная обстановка не позволила России заняться открытым переселением горцев. В эти годы еще был в силе Белградский мирный договор (1739), и только в 1753 г. Коллегия иностранных дел предписала кизлярскому коменданту в секретном порядке разведать местность «между реки Терека и устья речки Курпы», удобное ли «оное к обитанию и построению крепостцы» [3, л. 94].

В конце 1753 г. посланный из Кизляра инженер – капитан-поручик Деколонг представил доклад. В своем докладе Деколонг сообщил, что «вверх помянутого места, промеж рек Черной и Терека, имеется способное место для строения крепости или ретраншемента, по обеим сторонам устья реки Курпа, которое имеет быть для закрытия от Кубанской стороны и от набегов горских татар, а для закрытия кумманикацы до Червленого городка подлежит на удобных местах по берегу реки Терека построить редуты» [4, т. 2, с. 196–197].

Доклад Деколонга завершил, по сути дела, процесс подготовки к переселению горцев на равнину и предрешил вопрос о строительстве российской крепости на границе с Кабардой. Однако произошло непредвиденное обстоятельство, а именно осложнение русско-турецких отношений из-за Польши, которые вынудили Россию временно отказаться от задуманного плана и перенести строительство на более поздний срок. Вопрос о строительстве крепости вновь возник в конце 50-х годов XVIII в., «главнейший к сему повод подали некоторые владельцы Малой Кабарды» [5, с. 62].

В августе 1759 г. владелец Малой Кабарды Кургока Кончокин прибыл в Кизляр, где принял православное крещение, получив российское имя Андрей Иванович. После свершения обряда крещения 26 ноября 1759 г. Кургока Кончокин в письме на имя кизлярского коменданта просил направить его «ко двору ее императорского величества и, когда оттуда возвращусь, то бы для жительства мне с показанными желающими креститься, месте между Моздока и Мекеня по сю сторону реки Терка» [6, с. 80]. Коллегия иностранных дел разрешила выезд Кургоке Кончокину в Санкт-Петербург, и 25 июня 1760 г. он в сопровождении трех узденей выехал из Кизляра в российскую столицу. В Петербурге его тепло встретили и обещали удовлетворить все его просьбы. Однако ему пришлось задержаться в столице, где он пережил смерть Елизаветы Петровны, падение Петра III и воцарение Екатерины II, и только в 1762 г. по поручению Сената Коллегия иностранных дел подготовила доклад «по прошению крещеного Малой Кабарды владельца Кургоки Кончокина» [7, т. 2, с. 218]. На основании этого доклада Сенат разрешал Кургоке Кончокину занять под «поселение... место на Моздоке или на Мекене или где в тамошней стороне, по усмотрению Кизлярского коменданта… Сверх же того, можно позволить для усиления Кизлярского краю о поселении и всякой нации людей, то есть чеченцев, кумык и других из горских народов и нагайцов, креститься желающих, поручая введение оного ж владельца; а для размножения шелку и манифактур, о дозволении селиться и всех христианских нацией людям, как-то грузинцам, армянам и других, находящимся за границами Российской Империи, располагая их селении по реке Терку между новой крепости и гребенского казачьего Червленого городка; и каждой нации особливыми слободами, давая волю в строении церквей для отправления службы божией каждому по своему закону, а магометан не селить» [8, т. 2, с. 219].

Для поощрения горских переселенцев Сенат даже установил вознаграждение: «...помянутого крещеного владельца Андрея Иванова (Кончокина) наградить чином под-

полковника и позволить писаться князем Черкасским-Кончокиным с произвождением ему жалованья такого, какое в рассуждении по пребыванию его в разных местах назначено к… службе привести к присяге и отпустить в дом его, удовольствовав при отпуске дачею, а именно ему, владельцу, – 500 рублей, узденям его, креститься желающим, по 40, а не желающим – по 30 рублев» [9, т. 2, с. 220].

Кроме того, «для лучшего поощрения на предыдущее время, к поселению в здешнюю сторону помянутых народов, также и кабардинцев подвластных означенному кабардинскому владельцу Коргоке Кончокину, и других, которые креститься пожелают, давать им при первом случае единожды из казны из Кизлярских доходов, а в случае оных недостатка и из Астаханских, так как на нужное и со временем существенную пользу приносящее дело старшинам и узденям единожды по десяти, а рядовым – по пяти рублев на семью; а холостым, против того, вполы (половину)» [10, т. 2, с. 220].

Действующий Сенат комендантом будущей крепости назначил подполковника Петра Ивановича Гака, поручив ему одновременно вести агитацию среди горцев и приглашать их на поселение в Моздок [11, с. 81]. С этой целью коменданту предлагалось съездить в Малую Кабарду, «заводя не только с подвластными сему владельцу людьми, но и с прочими тамошними жителями беседу, и искусным образом внушать им «преимущества христианской веры, и о приобретенных при таком их переселении выгодах» [12, л. 32].

Перед отъездом из Санкт-Петербурга Кургока Кончокин 17 декабря 1762 г. в Коллегии иностранных дел был приведен к присяге [13, т. 2, с. 222]. После принятия присяги он покинул столицу и 9 апреля 1763 г. возвратился в Кизляр. В беседе с кизлярским комендантом генералом Ступишиным Кургока Кончокин заявил о своем желании начать строительство Моздокского поселения сразу же после возвращения в Малую Кабарду. Однако Ступишин отложил начало строительства до приезда подполковника П.И. Гака [14, с. 81].

14 июня 1763 г. астраханский губернатор известил кизлярского коменданта о выезде подполковника П.И. Гака из Астрахани в Кизляр в сопровождении солдат Царицынского полка. Из Кизляра Гак выехал в урочище Моздок и, как сообщает в отчетной ведомости о расходе на строительство Моздокской крепости кизлярский комендант генерал-майор Потапов, 5 июля 1763 г. он начал строительство Моздока [15, с.82].

Как известно из источников, первыми строителями крепости были русские солдаты: они строили казармы, магазины, гостиный двор, возводили крепостную стену. Кургока Кончокин находился в это время в Кабарде, и положение его, по-видимому, оставалось тяжелым. Так, 8 июля по распоряжению Гака, секунд-майор Ярцев отправил «для охранения крещеного подполковника Андрея Кончокина ... в Малую Кабарду... при одном старшине казаков двадцать человек [16, с. 82].

Для охраны лагеря в распоряжение подполковника Гака прикомандировали «по ордеру его превосходительства господина генерал-майора и бывшего здесь комендантом Ступишина, Симбирского полка секунд-майора Ярцева с командою, которая состояла: из одного обер-офицера, трех унтер-офицеров, двух капралов, одного ротного писаря, одного барабанщика, двести солдат и сорок казаков Терского семейного и Гребенского войск. Кроме того, 21 июля по приказу Кизлярского коменданта Ангетерского форпоста дворянин Киреев покинул пост и перешел в Моздок для усиления состоящего там гарнизона» [17, с. 83].

Само же заселение Моздока производилось за счет местных переселенцев независимо от того, где они проживали – в горских ли обществах или же на территории Российского государства. В объявленном приглашении говорилось, что в Моздоке на постоянное место жительство приглашаются «осетины, киштынцы и кабардинцы, а также всякой нации люди, как-то: чеченцы, кумыки и другие горцы, нагайцы, желающие принять святое крещение, а притом и христианской науки люди, как-то грузинцы и армяне, кроме рус-

ских» [18, с. 83]. Для поощрения горских выходцев, а также с целью подъема и развития сельского хозяйства и торговли Коллегия иностранных дел утвердила инструкцию «О таможенных привилегиях для горских народов, поселенных при Моздоке», по которой местные жители, поселившиеся в Моздоке, получали широкие права для беспошлинной торговли и производства шелка и хлопчатобумажной мануфактуры. Поселенцам разрешалось: «Всякой хлеб и фрукты из гор и отсюда взаимно в горы пропускать беспошлинно... Собственных лошадей и всякой рогатый скот в Кизляре и Гребенских городках продавать и менять беспошлинно... И для того все, что не предписанного, будучи в переселении в границах ими сделано, будет продавать и менять в Кизляре и Гребенских городках беспошлинно... Когда же пожелают с теми своими товарами и вещами ехать в прежние свои жилища, в Кабарду, Кумыки и другие горские места, в том дать им волю, а привозимые оттуда товары, еже ли оные между собой похотят продавать, пошлину не брать... Грузины и армяне, которые вышедшие из-за границы, здесь поселятся, и размножать шелк и хлопчатую бумагу к заведению разных мануфактур, те по силе состоявшегося прошлого 1762 г. июля 31 и 1763 июля ж 25 высочайших манифестов имеют быть ото всех податей и налогов освобождены» [19, т. 2, с. 229–230].

Одновременно поселенцы получали «земли для пашен и садов, по обширности здешнего места... сколько потребно» [20, с. 69]. В дальнейшем администрация отказалась от практики вольного надела и в 1767 г. произвела раздел земли, по которому «пашенныя, сенокосныя и огородныя места всем размежеваны по нациям, и, для домовой потребности, в лесе, во всех сторонах особливые засеки отведены» [21, с. 69].

Широкая практика «открытых дверей», не делавшая исключения и «для подлых людей», то есть холопов, позволила создать из числа переселенцев в 1765 г. Моздокскую горскую казачью команду, имевшую по штату: ротмистров – 1, сотников – 1, есаулов – 1, хорунжих – 1 и рядовых казаков – 100. Кроме этого состава, в штат команды вводились без должности 1 подполковник и 1 майор. За особые заслуги, оказанные российскому правительству, разрешалось иметь сверх штата вакантные должности: есаулов – 1, хорунжих – 1 и казаков – 22, с выплатой им жалованья, независимо от того, проживали ли они в Моздоке или же оставались на прежнем местожительстве, есаулу и хорунжему по 15 руб., муки по 6 четвертей, овса по 4 четверти; казакам по 10 руб., муки по 6 четвертей и овса по 4 четверти [22, с. 84]. Командование горской казачьей командой возложено было на находящегося в Моздоке подполковника, крещенного кабардинского князя Андрея Кончокина-Черкесского, при прежнем жаловании 500 рублей.

Строительство Моздока и «связанные с этим случаи бегства кабальных людей всколыхнули владельцев Большой Кабарды, начавших непосильную борьбу с Россией» [23, с. 107]. В своих переговорах с представителями царского правительства они непременно требовали ликвидации Моздока, в противном случае угрожали начать войну. Для предотвращения военного конфликта царское правительство в декабре 1763 г. направило в Кабарду ротмистра Мещерякова. Он на собрании кабардинских владельцев решительно заявил, что «они урочище Моздок к своим местам причитают несправедливо, ибо оно точно российское». В то же время Мещеряков указал на выгоды, которые получает Кабарда в связи с возведением Моздокской крепости, во-первых, уверял Мещеряков, в Моздоке разрешено селиться только крещеным, и «никто некрещеный при том жить равно и беглые от них люди не допустятся» [24, с. 84]; во-вторых, какого-либо «утеснения» или опасности им ожидать со стороны России «не следует, и иметь того не могут», и, в-третьих, российское правительство берет на себя обязательство постоянно и надежно защищать Кабарду от посягательства Турции и крымского хана. Но раздраженные владельцы отказались принять условия, изложенные ротмистром Мещеряковым, и решили послать свою депутацию в

Санкт-Петербург. А «будя же на сие их прошение удовольствия не получат, – заявили они с угрозой, – то будут рассуждать о себе иное и не минуют отдаться в послушание хана крымского» [25, с. 84]. Депутатами в Петербург они избрали князя Катука Кайсимова и одного из знатных узденей Шабаза-Гирея Куденетова [26, т. 2, с. 253].

Пребыв в Санкт-Петербург, депутаты потребовали немедленного уничтожение Моздока, выплаты денег за бежавших крестьян и холопов, а также уменьшения пошлин, взимаемых с товаров, привозимых для продажи в Кизляр. Царское правительство удовлетворило только последнее требование: оно обещало снизить пошлины на товары, привозимые в Кизляр. Что же касается первых двух требований, то в этом им категорически было отказано. Причем депутатам довольно твердо разъяснили, что требования владельцев Большой Кабарды признаются необоснованными и несостоятельными, а потому строительство Моздока будет продолжаться. Что же касается их ссылок на пользование этой землей в прошлом, то им опять-таки разъяснили, что пользование этими пастбищами и лесами, где земля принадлежит России, разрешалось им исключительно по доброте российского правительства. А так как земля, на которой основан Моздок, не принадлежит кабардинским владельцам, то, следовательно, и утеснения им «нет никакого от оного селения» [27, т. 2, с. 253]. Пытаясь несколько сгладить впечатление от отказа, российское правительство вручило депутатам 3000 рублей для раздачи кабардинским владельцам якобы за участие в 1757 г. в походе против чеченцев. Но владельцы отказались принять эти деньги и взялись за оружие, чтобы силой отстоять свое право на владение Моздоком [28, с. 85].

Владельцы Большой Кабарды, готовясь к войне против России, решили заручиться поддержкой крымского хана и с этой целью направили к нему своих представителей. Но крымский хан, этот постоянный враг Кабарды, и на этот раз остался верен себе. Он потребовал от кабардинцев, пользуясь их безысходным положением, по одному сыну от каждого владельца в аманаты, да за двух убитых «салтанов тысячу пятьсот ясырей, да за Дударуку-бека еще по одному ясырю со двора. Только потом он – хан о Моздоке, об их аманатах и о своем вышеписанном их кабардинском деле стараться будет, а ежели не дадут, то никакого дела с ними, кабардинцами, иметь не будет» [29, т. 2, с. 254]. Ясно, что эти условия не были приняты, и кабардинские владельцы для умножения своих сил пошли на союз с закубанскими татарами.

В конце 1763 г. на пути в Астрахань, в урочище Алабуге, большой купеческий караван, шедший под защитой российского флага, неожиданно подвергся нападению, а вскоре стало известно, что караван разграблен, а сопровождавшие его лица убиты. Подозрение пало на кабардинцев, и российское командование истолковало этот акт как открытый вызов, брошенный России, и тотчас же приступило к укреплению всей линии от Кизляра и до Моздока [30, с. 86].

Для подготовки Моздока к предполагаемому отражению нападения подполковнику Гаку предлагалось в самый короткий срок окопать город рвом, в том числе и посад, установить дополнительные наряды пушек и готовиться в случае войны к обороне. «Крещеным калмыкам», кочевавшим между реками Тереком и Кумою, предписано было быть у стен Моздока, а в помощь драгунской команде, которая находилась в Моздоке, из Астрахани перевели один гарнизонный батальон и доставили 40 пушек [31, т. 1, с. 82]. Все работы, не связанные с укреплением города, приказано было прекратить, отложив «ненужные работы до удобнейшего времени» [32, с. 85]. Однако, пишет В.А. Потто, «подполковник Гак принялся за дело с такой энергией, что к 1765 г. успел перестроить Моздок в значительную крепость, а форштадт, где жили крещеные горцы, окопал валом. Сюда же стали переселяться из Кизляра армяне и грузины с чисто коммерческими целями, и скоро

население его достигло таких размеров, что в 1765 г. Моздокское поселение переименовано было в город [33, с. 82].

Население Моздока стало быстро расти. По переписи 12 сентября 1777 г., в городе уже проживало: греков – 21, осетин – 95, кабардинцев – 180, армян – 565 и грузин – 674 человека обоего пола [34, с. 83]. В 1785 г. «по открытии Кавказского наместничества» Моздок был назван уездным городом со всеми присущими городу функциями» [35, с. 83].

К 1765 г. остро встал вопрос об усилении линии между Моздоком и старыми Гребенскими станицами. Так, указом на имя графа Панина от 2 июля 1765 г. предлагалось переселить с Волги 517 семей волжских казаков и расселить их между Моздоком и станцией Червленой пятью станицами – «равными далями» [36, с. 84]. Переселенцы основали станицы: Галюгаевскую, Ищерскую, Наурскую, Микенскую и Калиновскую, и по предписанию Коллегии иностранных дел из них составили Моздокский казачий полк, командовать которым назначили не атамана, как было заведено в казачьей среде, а армейского полковника, переданного в подчинение моздокскому коменданту [37, с. 80].

Переселенцам отвели столько же земли, сколько они имели на Волге, они получили «свободы и вольности, которыми пользуются Семейные и Терские казаки» [38, с. 84]. На обзаведение и переселение им выдавали из казны по 12 руб., «да на содержание их в первый год муки по 6, овса по 3 четверти, круп по 3 четверти» [39, с. 84].

Для охраны вновь основанных станиц во время походов и для действия станичной артиллерии (каждая станица снабжена четырьмя трехфунтовыми пушками) было дополнительно переселено по 50 семей донских казаков в каждую станицу. Донским казакам, как и волжским, нарезалась земля на равных основаниях, выдавались ружья, порох и свинец, но верховых лошадей иметь не полагалось. В дальнейшем артиллеристы комплектовались исключительно за счет казаков и их детей, «к езде уже неспособных», а самих донских переселенцев включили в штатное расписание Моздокского казачьего полка, и они выполняли службу наравне с остальными казаками. Одновременно с Дона для обслуживания Моздокской крепостной артиллерии переселили еще 100 семей донских казаков, основавших в 1770 г. на окраине Моздока станицу Луковскую [40, л. 3].

После подавления крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева в 1773–1775 гг. царское правительство начало проявлять особый интерес к освоению южных плодородных земель, особенно за счет захвата земель в Северном Причерноморье и Приазовье [41, с. 284]. Осуществлению этих планов способствовали и внешнеполитические успехи России. По Кючук-Кайнарджинскому миру в 1774 г. Россия добилась провозглашения независимости от Турции Крымского ханства, Кабарда полностью переходила под правительство России, а также «по соседству с кубанскими владениями крымского хана Россия имела теперь обширную область, простирающуюся между реками Доном и Еей [42, с. 24]. Присоединение же Кабарды к России обеспечивало прочный тыл для решения вопроса о Правобережной Кубани. Включение Центрального Предкавказья в состав России способствовало дальнейшему укреплению экономических связей Кавказа с Россией. Однако в то время укрепленной российская граница была только на участке от Моздока до Кизляра. Остальная граница (500 верст) была практически открытой.

Закрыть новую границу созданием новых крепостей и форпостов было поручено светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину. В то время он являлся наместником Астраханской, Азовской и Новороссийской губерний. Ему же были подчинены и все казачьи войска на юге России.

В 1777 г. князь Г.А. Потемкин представил императрице Екатерине II докладную записку с контрастным планом колонизации Северного Кавказа и Предкавказских степей. По этому плану предполагалась сомкнуть линию от Азова и до Моздока путем строитель-

ства крепостей по этой линии и заселения ее новыми поселенцами-казаками. С осуществлением этого плана, утверждал Г.А. Потемкин, России представится возможность отделить «разного звания горских народов... от тех мест, коим нашим подданным пользоваться следует; положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество... Сверх того, открывает способ войти в тамошние горы и жилища осетинские и со временем пользоваться их рудами и минералами» [43, т. 2, с. 129]. По поручению Потемкина генерал Якоби совместно с подполковником Генерального штаба Германом осмотрели предполагаемую линию, условно названную Азово-Моздокской, и представили проект ее заселения. Эта линия должна была пройти от Моздока по рекам: Малке, Куре, Золке, Подкумку, Карамыку и Калаусу и далее по землям Войска Донского, через крепость Святого Дмитрия (впоследствии город Ростов-на-Дону) и до Азова [44, с. 88]. Линия эта, по проекту генерала Якоби, «должна была заключать в себе десять крепостей или, правильнее, укрепленных селений, с промежуточными между ними редутами [45, т. 2, с. 129]. Исследования, составленные Якоби и Германом, дали Потемкину обширный материал для всеподданнейшего доклада императрице Екатерине II.

24 апреля 1777 г. Екатерина II утвердила Проект Потемкина, и летом того же года силами солдат и казаков начались строительные работы по всей линии. Для заселения свободных земель к западу от Моздока было решено переселить хоперских и оставшуюся часть волжских казаков. Это решение Потемкин мотивировал тем, что хоперские городки находились всего в 27 верстах от донских станиц и, следовательно, в обороне края не имели существенного значения. Волжское же казачье войско «в нынешнем своем расположении бесполезно занимает внутренние границы с другими губерниями и, пользуясь исключительными привилегиями, вовсе не несет настоящей военной службы» [46, с. 45]. Кроме того, желание переселить волжских казаков подальше от центральных губерний было вызвано тем, что они принимали активное участие в 1773–1775 гг. в крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева. Первая колонна из 700 семей была отправлена 6 июля 1777 г. на места нового поселения [47, т. 2, с. 132]. Казаки уходили с насиженных мест крайне неохотно, порой оказывали прямое сопротивление, и, только принужденные силой, они шли осваивать новые земли на далеком для них Северном Кавказе. Хотя были и такие, кому удалось уклониться от перехода на Кавказскую линию. Как писал В.А. Потто, 200 волжских казаков «остались на прежних местах под видом немощных старцев, раскрыто это было только впоследствии, и все эти казаки, собранные в особую команду, причислены были к Астраханскому войску» [48, с. 89]. Для расселения переселенцев, достигших Предгорий Кавказа, было поставлено три станицы-крепости: Екатериноградская на реке Малка, Павловская на реке Подкумке и Александрийская на реке Тамузловке. На северо-западе между реками Тамузловка и Егорлык в станицах Андреевской, Ставропольской, Московской, Северной и Донской разместили хоперский полк. В каждой станице поселено было по 100 семей. Им сохранили кое-какие старые привилегии, которые они принесли с собой, но в остальном они получили новую организацию по штату обычных регулярных войск.

Колонна волжских казаков из Царицына была направлена к Моздоку, но от урочища Моджар на Куме генерал Якоби приказал им двигаться прямо к урочищу Бештамак, которое находилось при слиянии Малки и Терека. Вновь прибывших переселенцев расселили по станицам, получившим названия: при урочище Бештамаке – Екатериноградская, на реке Куре – Павловская, на реке Золке – Марьевская, у слияния Куры и Подкумка – Георгиевская и на реке Карамыке – Андреевская [49, т. 2, с. 132]. В каждую из этих станиц поселено было по 100 казаков, что составило 500 человек, из числа которых был образован

Волжский казачий полк, штат которого 2 июня 1781 г. был окончательно утвержден. Так, согласно штату полка, в нем значилось: командир полка полковник – 1, станичных атаманов – 5 и в каждой станице по 1 есаулу, сотнику и хорунжему; квартирмейстер – 1, полковой писарь – 1 и казаков – 514. Вместе со строевым составом полка переселилось тогда же 25 отставных старшин, 368 внутренне служащих казаков и 416 стариков и неспособных малолеток [50, с. 89]. Таким образом, Волжский казачий полк имел не только нужный для несения кордонной службы численный состав, но и задел на будущее в лице подрастающего поколения.

Создание Кавказского наместничества в 1785 г., включившего Моздокский и Кизлярские уезды, поставило проживавших здесь казаков в двойственное подчинение военной и гражданской властям. Все отставные, не служащие казаки, женщины и малолетки были изъяты из подчинения военных властей и находились в ведении губернских или уездных учреждений. Гражданские власти так же постепенно регламентировали права на землю, рыболовные угодья, добычу полезных ископаемых, продажу вина и прочее. Таким образом, правительство как бы разделило военную и гражданскую жизнь казачьих социумов, в которых до того подобных различий не наблюдалось.

Ссылки:

1. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2.
2. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е годы XVIII в., 30-е годы XIX в.). Орджоникидзе, 1970.
3. ЦГА Даг. АССР. Ф. Кизлярского коменданта. Дела за 1763 г. Св. 3309.
4. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2.
5. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: Извлечение. 2-е изд. и пер. Нальчик, 2001.
6. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
7. Кабардино-русские отношения … .
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Омельченко И.Л. Указ. соч.
12. ЦГА Даг. АССР. Ф. Кизлярского коменданта. Дела за 1763 г. Св. 3309.
13. Кабардино-русские отношения … .
14. Омельченко И.Л. Указ. соч.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Кабардино-русские отношения … .
20. Бутков П. Г. Указ. соч.
21. Там же.
22. Омельченко И.Л. Указ. соч.
23. Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия. М., 2000.
24. Омельченко И.Л. Указ. соч.
25. Там же.
26. Кабардино-русские отношения … .
27. Там же.
28. Омельченко И.Л. Указ. соч.
29. Кабардино-русские отношения … .
30. Омельченко И.Л. Указ. соч.
31. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, изданные Главным управлением наместника Кавказского / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1866. Т. 1.
32. Потто В.А. Указ. соч.
33. Омельченко И.Л. Указ. соч.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же.

38. Там же.
39. Там же.
40. ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18.
41. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджинский мир 1774 года. М., 1955.
42. Фадеев А. В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.
43. Потто В.А. Указ. соч.
44. Омельченко И.Л. Указ. соч.
45. Потто В.А. Указ. соч.
46. Бурда Э. В. Очерки о терском казачестве. Нальчик, 2003.
47. Потто В.А. Указ. соч.
48. Омельченко И.Л. Указ. соч.
49. Потто В.А. Указ. соч.
50. Омельченко И.Л. Указ. соч.